

ОСКАР

УАЙЛД

ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Зарубежная классика (АСТ)

Оскар Уайльд
Портрет Дориана Грея

«Издательство АСТ»

1890

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Уайльд О.

Портрет Дориана Грея / О. Уайльд — «Издательство АСТ»,
1890 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-983165-5

«Портрет Дориана Грея» – самое знаменитое произведение Оскара Уайльда, единственный его роман, вызвавший в свое время шквал негативных оценок и тем не менее имевший невероятный успех. Главный герой романа, красавец Дориан, – фигура двойственная, неоднозначная. Тонкий эстет и романтик становится безжалостным преступником. Попытка сохранить свою необычайную красоту и молодость оборачивается провалом. Вместо героя стареет его портрет – но это не может продолжаться вечно, и смерть Дориана расставляет все по своим местам. Роман Оскара Уайльда продолжает быть очень актуальным и сегодня – разве погоня за вечной молодостью порой не оборачивается потерей своего истинного лица?

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-983165-5

© Уайльд О., 1890
© Издательство АСТ, 1890

Содержание

Вступительное слово	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Оскар Уайльд

Портрет Дориана Грея

Школа перевода Баканова, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Вступительное слово

Художник – автор прекрасного. Цель искусства – раскрыть прекрасное, скрыв личность художника. Критик – это тот, кто способен передать свое впечатление от прекрасного в новой форме или новыми средствами.

Как высшая, так и низшая формы критики – лишь вид автобиографии. Безобразное в прекрасном видят люди испорченные и лишенные обаяния. В этом их ущербность.

Красоту в прекрасном видят люди развитые и утонченные. Для них есть надежда, они – те избранные, для которых прекрасное означает красоту в чистом виде.

Не бывает книг моральных или аморальных.

Книга написана либо хорошо, либо плохо. Вот и все. Нелюбовь девятнадцатого века к реализму – это ярость Калибана, увидевшего в зеркале свое отражение.

Нелюбовь девятнадцатого века к романтизму – это ярость Калибана, не увидевшего в зеркале своего отражения.

Предметом изображения художника может быть нравственная жизнь человека, однако нравственность искусства заключается в наилучшем использовании не самых лучших материалов. Ни один художник не стремится ничего доказать. Ведь доказать можно даже то, что истинно.

У художника не может быть этических пристрастий. Этическое пристрастие художника является непростительной манерностью стиля. Художник не может быть неестественным или неправильным, потому что вправе выбрать любую тему. Инструменты художника – мысль и слово.

Порок и добродетель для художника лишь материал. С точки зрения формы прообразом всех видов искусства является музыка. С точки зрения чувств – театр.

Всякое искусство есть и образ, и символ. Те, кто вглядывается в глубь образа, идут на риск. Те, кто раскрывает значение символа, идут на риск.

Искусство отображает не реальную жизнь и даже не автора, а зрителя. Разнообразие мнений о произведении искусства показывает, что оно ново, сложно и актуально.

Если критики расходятся во мнениях, значит, художник остался верен самому себе. Можно простить человеку создание вещи полезной, если только он ею не восторгается. Единственный повод для создания вещи бесполезной – страстная любовь автора к своему созданию.

Всякое искусство совершенно бесполезно.

Оскар Уайльд

Глава 1

Студию художника наполняло благоухание роз. Поднявшийся среди деревьев в саду летний ветерок вносил в распахнутые двери тяжелый запах сирени и более тонкий аромат розового боярышника.

Лорд Генри Уоттон, по обыкновению курая бесчисленные папиросы, возлежал на устеленной персидскими чепраками тахте и любовался кустом золотого дождя, чьи подрагивающие на ветру ветви сгибались под весом золотистых соцветий, источавших медвяный аромат и ярко пылавших на солнце; пронесившиеся мимо птицы отбрасывали причудливые тени на длинные чесучовые шторы, закрывавшие огромное окно, и создавали кратковременный эффект японской живописи, напоминая лорду Генри о токийских художниках с бледными желтовато-зелеными лицами, которые стремятся придать своим творениям иллюзию динамики, несмотря на непременную статичность живописи. Низкое гудение пчел, деловито сновавших в некошеной траве или с неизменным упорством вившихся вокруг усыпанных золотой пылью цветов раскидистой жимолости, делало тишину еще более гнетущей. Приглушенный гул Лондона вторгался в нее как басовая нота звучащего в отдалении органа.

В центре комнаты на вертикальном мольберте стоял портрет в полный рост юноши исключительной красоты. Перед ним, немного в отдалении, сидел и сам художник, Бэзил Холлуорд, чье внезапное исчезновение несколько лет назад вызвало небывалый ажиотаж публики и дало повод самым причудливым домыслам.

Художник разглядывал изящную форму, столь искусно воплощенную им в своем творении, и с лица его не сходила довольная улыбка. Внезапно он вскочил и закрыл глаза руками, будто пытаясь удержать удивительный сон и боясь проснуться.

– Бэзил, на сегодняшний день это твоя лучшая картина, – томно проговорил лорд Генри. – В следующем году тебе непременно стоит отправить ее в галерею Гросвенор. Академия искусств чересчур велика и заурядна. Когда я ни приду, там либо слишком много людей, и я не могу посмотреть на картины, либо слишком много картин, и я не могу посмотреть на людей, что не в пример хуже. В самом деле, Гросвенор – единственное стоящее место.

– Вряд ли я вообще стану ее выставлять, – ответил художник, тряхнув головой в нелепой манере, из-за которой над ним смеялись в Оксфорде. – Нет, никуда ее не пошлю.

Лорд Генри поднял брови и удивленно посмотрел на друга сквозь причудливые тонкие кольца голубого дыма, струившиеся от крепкой, пропитанной опиумом папиросы.

– Никуда не пошлешь? Почему, дорогой мой? Неужели у тебя есть достойная причина? До чего вы, художники, странные! Сперва всеми силами стремитесь к известности, а стоит вам ее добиться, как она уже ни к чему. Довольно глупо, учитывая, что хуже разговоров о тебе лишь их отсутствие. Такой портрет вознесет тебя над всеми молодыми художниками Англии, а старых заставит завидовать, если только они еще способны хоть к каким-то переживаниям.

– Знаю, ты будешь надо мной смеяться, – ответил Бэзил, – но я и правда не могу ее выставлять. Я вложил в эту картину слишком много себя самого.

Лорд Генри потянулся на тахте и захохотал.

– Я так и знал, что ты будешь смеяться. Тем не менее это правда.

– Вложил слишком много себя!.. Ей-богу, Бэзил, я понятия не имел, что ты настолько самонадеян! Я не вижу ни малейшего сходства между тобой, мой черноволосый, суровый и мужественный друг, и этим юным Адонисом, который словно создан из слоновой кости и лепестков розы. Мой дорогой Бэзил, он – Нарцисс, а ты... Что и говорить, в твоих глазах светится ум. Однако красота, истинная красота, заканчивается там, где появляется ум. Уму как таковому свойственно преувеличение, и он способен разрушить гармонию любого лица. Стоит сесть и задуматься, как человек обращается в один сплошной нос или лоб или еще что-нибудь

малоприглядное. Взгляни на людей, преуспевших в своей профессии. До чего они изумительно уродливы! Разумеется, кроме служителей церкви. Впрочем, церковники вовсе не думают. Епископ и в восемьдесят твердит все то, что ему велели твердить в восемнадцать, и в результате он всегда совершенно неотразим. Твой таинственный юный друг, чье имя ты так и не назвал и чей портрет меня так восхищает, не думает никогда. В этом я совершенно уверен! Он – прекрасное пустоголовое создание, которое заменит нам зимой цветы, а летом остудит наш пылающий ум. Бэзил, не льсти себе: ты не похож на него ни в коей мере!

– Гарри, ты меня не понял, – ответил художник. – Конечно же, я на него не похож! Это я прекрасно понимаю. Да я и не хотел бы так выглядеть. Пожимаешь плечами? Я говорю правду. Физическую и интеллектуальную исключительность преследует некий злой рок, вроде того, который на протяжении всей истории направляет неверные шаги королей. Лучше не выделяться. В этом мире легко живется глупцам и уродам. Расселись себе и наблюдают за представлением. Победа им неведома, но и поражение им тоже незнакомо. Они живут так, как следовало бы жить всем нам, – безмятежно и без лишней маеты. Они никому не причиняют зла, и им никто не вредит. Твое положение в обществе и богатство, Гарри, мой ум и талант, какими бы они ни были ничтожными, красота Дориана Грея – всем нам придется расплачиваться за дары богов, и страдания будут ужасны!

– Дориан Грей? Вот, значит, как зовут юношу? – спросил лорд Генри, подходя к Бэзилу Холлуорду.

– Да. Я не хотел называть его имени.

– Почему же?

– Объяснить довольно сложно. Я не называю имени того, кто мне нравится. Иначе выходит, будто я отдаю частицу его души. Я полюбил скрытность. Пожалуй, сделать современную жизнь загадочной и чудесной способна лишь скрытность. Даже самая заурядная вещь становится восхитительной, стоит начать ее скрывать. Теперь, уезжая из города, я никому не сообщая, куда отправляюсь. В противном случае теряется все удовольствие. Пожалуй, привычка глупая, однако вносит в жизнь изрядную долю романтики. Думаю, ты считаешь меня чертовски сумасбродным?

– Отнюдь, – ответил лорд Генри, – отнюдь, дорогой мой Бэзил. Ты забываешь, что я женат, а главная прелесть брака заключается в том, что он делает ложь совершенно необходимой для обеих сторон. Я не знаю, где находится жена, жена не знает, чем занят я. При встрече – иногда мы встречаемся, будь то за ужином в ресторане или в гостях у герцога – мы рассказываем друг другу с самыми серьезными лицами наинесуразнейшие истории. У жены это получается прекрасно – собственно, намного лучше, чем у меня. Она никогда не путается, в отличие от меня. Зато, если ей удастся меня уличить, то сцен она не устраивает. Порой мне даже хочется скандала, но она лишь смеется надо мной.

– Терпеть не могу, когда ты так отзываешься о своей семейной жизни, Гарри! – воскликнул Бэзил Холлуорд, направляясь к двери в сад. – Полагаю, ты прекрасный муж, однако изрядно стыдишься своей добродетельности. Чудак ты человек! Нравственных речей от тебя не услышишь, при этом безнравственных поступков от тебя тоже не дождешься. Твой цинизм – всего лишь поза!

– Безыскусственность – также поза, причем самая досадная, какую я знаю, – со смехом сказал лорд Генри.

Молодые люди вышли в сад и уютно устроились на длинной бамбуковой скамье под сенью высокого лаврового куста. Сквозь глянцевые листья проскальзывали солнечные лучи. В траве проглядывали цветущие маргаритки.

Помолчав, лорд Генри достал из кармана часы.

– Боюсь, мне пора, Бэзил, – проговорил он, – а пока я не ушел, непременно хочу услышать ответ на вопрос, который я задал.

– Какой такой вопрос? – спросил художник, не поднимая взгляда.

– Ты отлично знаешь какой.

– Не знаю, Гарри.

– Тогда спрошу еще раз. Объясни, почему ты не собираешься выставлять портрет Дориана Грея. Я хочу знать истинную причину.

– Я тебе уже объяснил.

– Вовсе нет. Ты сказал, что вложил в портрет слишком много себя. Бэзил, это несерьезно!

– Гарри, – проговорил Бэзил Холлуорд, глядя ему в глаза, – любой портрет, написанный с чувством, это портрет художника, а не натурщика. Натурщик – случайность чистой воды, просто повод. Художник раскрывает не его. Красками на холсте художник раскрывает самого себя. Причина, по которой я не буду выставлять эту картину, в том, что я опасаясь: не раскрыл ли я в ней тайну своей собственной души.

Лорд Генри расхохотался.

– И что у тебя за тайна?

– Сейчас расскажу, – ответил Бэзил, явно смутившись.

– Бэзил, я весь внимание! – подбодрил лорд Генри.

– Ах, Гарри, тут и рассказывать особо нечего, – ответил художник, – боюсь, ты меня не поймешь. Пожалуй, ты едва ли согласишься.

Лорд Генри улыбнулся, сорвал маргаритку и принялся ее разглядывать.

– Уверен, что пойму, – ответил он, всматриваясь в золотистую сердцевинку с белой оторочкой. – Что касается веры, то поверить я готов во все что угодно, при условии полной неправдоподобности.

Ветер стряхнул с деревьев несколько цветков, в наполненном упоительными ароматами воздухе закачались тяжелые кисти сирени, усыпанные звездочками соцветий. Возле стены застрекотал кузнечик, мимо проплыла синяя, тонкая как ниточка стрекоза с прозрачными бронзовыми крылышками. Лорду Генри казалось, будто он слышит биение сердца Бэзила Холлуорда, и он гадал, что же ему предстоит узнать.

– Все проще некуда, – немного помолчав, начал Бэзил. – Пару месяцев назад я попал на светский раут у леди Брендон. Нам, бедным художникам, время от времени приходится появляться в обществе и напоминать публике, что мы не такие уж дикари. В вечернем костюме и при белом галстуке, как ты сказал мне однажды, любой, даже биржевой брокер, способен приобрести репутацию человека цивилизованного. Пробыв в зале минут десять, переговорив с разодетыми в пух и прах пожилыми аристократками и нудными профессорами, я вдруг почувствовал чей-то взгляд. Я обернулся и впервые увидел Дориана Грея. Наши взгляды встретились, и я побледнел. Меня охватил необъяснимый трепет. Я понял, что столкнулся с личностью настолько неотразимой, что если я поддамся, то она поглотит без остатка всю мою сущность, мою душу и мой талант. Ты прекрасно знаешь, Гарри, что по своей природе я весьма независим. Я всегда был сам себе господин, по крайней мере, до встречи с Дорианом Греем. И тогда... даже не знаю, как тебе объяснить. Внутренний голос мне подсказывал, что я на грани кризиса всей своей жизни. У меня появилось странное чувство, будто судьба готовит мне беспредельные радости и беспредельные муки. Я испугался и бросился к выходу из зала. И подтолкнула меня не сознательность, а трусость. Понимаю, эта попытка бегства вовсе не делает мне чести.

– Сознательность и трусость суть одно и то же, Бэзил. Это лишь название торговой марки. Вот и все!

– Я в это не верю, Гарри, и тебе не верю тоже. Каким бы ни был мой мотив – будь то гордость – ведь прежде я был тем еще гордецом, – я изо всех сил ринулся к дверям. И там, разумеется, наткнулся на леди Брендон. «Неужели вы нас покидаете так скоро, господин Холлуорд?» – вскричала она. Голос у нее необычайно пронзительный, не находишь?

– Да, во всем, кроме красоты, она настоящий павлин, – заметил лорд Генри, ощипывая маргаритку длинными нервными пальцами.

– Я не смог от нее избавиться. Она подводила меня к членам королевской семьи, к чиновникам со звездами и орденами и к пожилым леди в гигантских тиаарах и с носами с горбинкой. Отзывалась обо мне как о своем большом друге. Мы виделись с ней всего второй раз, но она вбила себе в голову, что должна сделать из меня героя вечера. В свое время одна моя картина имела большой успех, по крайней мере, о ней писали в грошовых газетенках, что в нашем девятнадцатом веке означает неувядаемую славу. Внезапно я очутился лицом к лицу с юношей, чья личность так меня поразила. Мы стояли близко-близко. Наши взгляды встретились вновь. С моей стороны это было опрометчиво, и все же я попросил леди Брендон представить меня ему. Пожалуй, в конечном итоге это было не то чтобы опрометчиво – это было неизбежно. Мы заговорили бы даже не будучи представленными. Я в этом убежден. Позже Дориан мне сказал то же самое. Он также почувствовал, что нам суждено узнать друг друга.

– И как же леди Брендон описала этого удивительного юношу? – спросил его собеседник. – Я знаю, ей нравится давать всем своим гостям краткую характеристику. Помню, подвела она меня как-то раз к воинственному краснолицему господину в летах, покрытому орденами и лентами с головы до ног, и зашипела мне на ухо трагическим шепотом, наверняка слышным всем и каждому в зале, самые ошеломительные подробности. И я сбежал! Люблю разгадывать человека сам. Леди Брендон обращается с гостями словно аукционер с товаром. Либо мигом выкладывает самое сокровенное, либо рассказывает все, кроме того, что тебе действительно интересно.

– Бедная леди Брендон! Гарри, ты к ней слишком строг, – с прохладцей проговорил Холлуорд.

– Дорогой мой, она пыталась устроить у себя светский салон, а вышла заурядная ресторация! И ты хочешь, чтобы я ею восхищался? Лучше расскажи, что она сообщила тебе о Дориане Грее.

– Нечто вроде «Очаровательный мальчик, мы с его матерью были совершенно неразлучны. Совсем забыла, чем он занимается... боюсь, что он... вообще ничем не занят... ах, да! Играет на рояле – или на скрипке, милый мистер Грей?» Мы оба не смогли сдержать смех и тут же стали друзьями.

– Смех – совсем неплохое начало дружбы и лучшее ее окончание, – заметил юный лорд, срывая еще одну маргаритку.

Холлуорд покачал головой:

– Гарри, ты понятия не имеешь ни о дружбе, ни о вражде, если уж на то пошло. Ты любишь всех. Иными словами, все тебе одинаково безразлично.

– Ты ко мне крайне несправедлив! – вскричал лорд Генри, сдвигая шляпу на затылок и оглядывая похожие на растрепанные мотки блестящих шелковых нитей легкие белые облачка, неспешно плывущие в бирюзовой глубине летнего неба. – Да, крайне несправедлив. К разным людям я отношусь совершенно по-разному. В друзьях я ценю внешность, в знакомых – характер, а во врагах – ум. Выбирать себе врагов следует особенно придирчиво. Ни один из моих врагов не дурак. Все обладают изрядной долей интеллекта и вследствие этого ценят меня по достоинству. Думаешь, мной руководит тщеславие? Пожалуй, да.

– Похоже на то, Гарри. Однако по твоей классификации я прохожу всего лишь как знакомый.

– Мой старый добрый Бэзил, для меня ты гораздо больше, чем просто знакомый!

– И гораздо меньше, чем друг. Для тебя я вроде брата, верно?

– Ох уж эти братья! Мой старший брат никак не умрет, а младшие только и делают, что умирают¹.

– Гарри! – неодобрительно воскликнул Холлуорд.

– Дорогой мой, я говорю не на полном серьезе. Впрочем, я не могу не питать отвращения к своим родственникам. Полагаю, причина кроется в том, что видеть свои недостатки в других – невыносимо. Я изрядно сочувствую английским демократам, которые бурно возмущаются так называемыми «пороками высших классов». Наши массы считают, что пьянство, скудоумие и распущенность принадлежат им по праву, а если идиотом выставляет себя представитель высшего света, то он вторгается в их вотчину. Когда бедняга Саутворк начал бракоразводный процесс, их возмущение не знало границ. При этом едва ли десять процентов пролетариата ведет добродетельный образ жизни!

– Я не согласен ни с единым твоим словом, Гарри, более того, ты и сам вряд ли согласен!

Лорд Генри погладил свою заостренную бородку и постучал тростью черного дерева по носу лакового ботинка.

– Бэзил, ты типичный англичанин! Подобное замечание ты делаешь уже второй раз. Выскажи какую-нибудь идею типичному англичанину – что всегда опрометчиво, – так он и не задумается о том, плоха она или хороша. Единственное, что он сочтет важным, – веришь ты в нее или нет. В то время как ценность идеи не имеет никакого отношения к искренности того, кто ее высказывает. На самом деле весьма вероятно, что чем меньше искренности проявляет человек, тем ценнее высказываемая им идея, ведь в этом случае на нее не влияют ни его стремления, ни желания, ни предрассудки. Впрочем, я не намерен обсуждать с тобой политику, социологию или метафизику. Люди мне нравятся больше, нежели принципы, а людей без принципов я люблю больше всего на свете. Лучше расскажи мне о Дориане Грее. Вы часто видитесь?

– Каждый день. Без наших встреч я не был бы счастлив. Он мне совершенно необходим!

– Невероятно! Ни за что бы не подумал, что тебе есть дело до чего-нибудь, кроме твоего искусства.

– Теперь он – мое искусство, – мрачно произнес художник. – Гарри, иногда мне думается, что в истории мира есть лишь два значимых этапа. Первый – появление новых средств выражения, второй – появление нового субъекта изображения. Когда-нибудь лицо Дориана Грея станет для меня тем же, чем стала для венецианцев масляная живопись или для греческих скульпторов – лик Антиноя. Разумеется, я пишу его, делаю рисунки и наброски. И в то же время он для меня куда больше, чем просто натурщик. Я не скажу, что недоволен тем, как мне удалось его изобразить или что его красота искусству неподвластна. Искусству подвластно все, и я знаю: с тех пор как я встретил Дориана Грея, я пишу хорошо, более того, я написал свои лучшие картины! Как ни странно – поймешь ли? – его индивидуальность открыла мне совершенно новую манеру письма, совершенно новый стиль. Я смотрю на мир иначе, я воспринимаю его иначе. Теперь я могу воссоздать жизнь определенным образом, неведомым мне прежде. «Мечта о форме в дни размышлений» – кто это сказал? Не помню. Именно такой формой и стал для меня Дориан Грей. Одно лишь присутствие этого юноши – для меня он юноша, хотя ему уже за двадцать – его зримое присутствие... Эх, разве способен ты понять, что оно значит для меня? Сам того не сознавая, он намечает мне линии новейшего направления в живописи, которое включает в себя всю страстность романтизма вместе с совершенством эллинизма. Гармония души и тела – как это прекрасно! Со свойственным нам безрассудством мы разделили их и получили вульгарный реализм, лишенный идеала. Гарри, если бы ты знал, что значит для меня Дориан Грей! Помнишь пейзаж, за который Агню предложил баснословную сумму, но я не захотел его продавать? Это одна из моих лучших работ. А знаешь почему? Когда я писал,

¹ Имеется в виду порядок наследования в Англии, согласно которому наследство переходит старшему сыну.

рядом сидел Дориан Грей! От него мне передалось некое неуловимое воздействие, и впервые в жизни я увидел в обычном лесу нечто удивительное, что я всегда искал и никогда не находил!

– Бэзил, это невероятно! Я должен познакомиться с Дорианом Греем.

Холлуорд поднялся со скамьи и отправился бродить по саду. Вскоре он вернулся.

– Гарри, для меня Дориан Грей всего лишь мотив в живописи. Возможно, ты в нем не увидишь ничего. Я вижу в нем все. Его присутствие на моих картинах особенно ощутимо, когда я рисую не его. Как я уже сказал, Дориан – некий намек на новую манеру письма. Я вижу его в изгибах линий, в прелести и утонченности оттенков. Вот и все!

– Тогда почему бы тебе не выставить его портрет? – спросил лорд Генри.

– Сам того не желая, я выразил в нем причудливое идолопоклонство художника, о котором, разумеется, никогда с ним не заговаривал. Он не должен узнать! Однако свет может догадаться, а я не хочу обнажать душу перед назойливыми взглядами. Мое сердце никогда не ляжет под их микроскоп! В портрете слишком много меня, Гарри, слишком много меня самого!

– В отличие от тебя поэты не настолько щепетильны. Они знают, как выгодно писать о любви. В наши дни разбитое сердце обращается сразу к нескольким издательствам.

– Ненавижу их за это! – вскричал Холлуорд. – Человек искусства должен создавать красивые вещи, но ему нельзя вкладывать в них ничего личного. Век, в котором мы живем, относится к искусству как к разновидности автобиографии. Мы утратили отвлеченность красоты. Когда-нибудь я покажу свету, что такое красота! Именно по этой причине свет никогда и не увидит портрет Дориана Грея.

– Думаю, ты неправ, Бэзил, однако спорить не стану. Спорят лишь убогие умом. Скажи мне вот что: Дориан Грей тебя очень любит?

Художник задумался.

– Я ему нравлюсь, – ответил он, помолчав, – знаю, что нравлюсь. Само собой, я превозношу его до небес. Я нахожу необъяснимое удовольствие в похвалах, о которых сам потом буду жалеть. Как правило, со мной он само обаяние, мы сидим в студии и говорим о тысяче разных вещей. Впрочем, время от времени он бывает ужасно беспечен и будто получает удовольствие, причиняя мне боль. В такие моменты я чувствую, что отдал свою душу тому, для кого она не больше чем цветок в петлице – безделушка, что тешит тщеславие в летний день.

– Бэзил, летние дни тянутся долго, – заметил лорд Генри. – Вероятно, тебе ваша дружба прискутит раньше, чем ему. Думать об этом грустно, и все же не подлежит сомнению, что талант живет дольше, чем красота. Именно поэтому мы изо всех сил нагружаем себя избыточными знаниями. В дикой борьбе за существование мы стремимся овладеть чем-нибудь долговечным и как следствие в порыве глупой надежды забиваем свои головы всяким хламом и разными фактами. Сегодняшний идеал – человек широко образованный. Разум такого человека – нечто ужасное. Он подобен лавке старьевщика – сплошь ширпотреб и пыль, вдобавок стоит все втридорога. Полагаю, тебе наскучит первому. Однажды ты посмотришь на своего друга и заметишь искажение перспективы, или тебе не понравится оттенок, или еще что-нибудь. И в глубине души ты его жестоко осудишь, всерьез задумаешься о том, как плохо он с тобой обращался. При следующей встрече ты будешь держаться холодно и отстраненно. К сожалению, ты изменишься. То, о чем ты мне рассказал, называется роман – я бы даже сказал, роман с искусством. Самое худшее в любом романе то, что по его окончании ты утрачиваешь всякую романтику.

– Гарри, не говори так! Личность Дориана Грея будет занимать меня до конца моих дней! Тебе не понять, что я чувствую. Ты слишком часто меняешься.

– Именно поэтому я тебя и понимаю. Преданные сердца знают любовь лишь поверхностно, непостоянным же доступна вся глубина ее трагизма. – Лорд Генри чиркнул спичкой о серебряный портсигар и с удовольствием закурил, смакуя папиросу так, словно ему удалось выразить в одной фразе всю сущность мира.

Среди лакированной зелени плюща шуршали и чирикали воробьи, синие тени облаков сновали друг за другом будто ласточки. Как приятно в саду! И как восхитительны людские эмоции – куда приятнее, чем их идеи. Самое замечательное в жизни – душа человека и страсти его друзей. Внутренне улыбаясь, лорд Генри представил томительно-скучный обед, на который не попал благодаря затянувшемуся визиту к Бэзилу Холлуорду. Если бы он пошел к своей тетушке, то непременно встретил бы там лорда Худбоди, и вся беседа вертелась бы вокруг прокорма голодных и необходимости образцовых ночлежек. Любой класс превозносит значимость тех добродетелей, которые лично ему не нужны. Богатые рассуждают о выгоде экономности, бездельники разглагольствуют о величии труда. Как приятно от всего этого ускользнуть!.. При мысли о тетушке лорда Генри посетила одна идея. Он повернулся к Холлуорду и воскликнул:

– Дорогой мой друг, я только что вспомнил!

– Что ты вспомнил, Гарри?

– Где я слышал имя Дориана Грея.

– И где же? – помрачнел Холлуорд.

– Не сердись, Бэзил. Это было в доме моей тетушки, леди Агаты. Она рассказывала, что нашла чудного юношу, который собрался помогать ей в Ист-Энде, и его зовут Дориан Грей. Должен признаться, она ни разу не упоминала о его приятной внешности. Женщины ее не ценят, по крайней мере, порядочные женщины. Тетя сказала, что юноша он серьезный и прекрасодушный. Я тут же представил веснушчатое длинноволосое создание в очочках, с трудом переставляющее нескладные ноги. Жаль, я не познакомился с твоим другом раньше.

– А вот я этому очень рад, Гарри.

– Почему же?

– Я не хочу, чтобы ты с ним знакомился.

– Ты против нашего знакомства?

– Да!

– Мистер Дориан Грей ждет вас в студии, сэр, – объявил дворецкий, выходя в сад.

– Теперь тебе придется нас познакомить! – со смехом вскричал лорд Генри.

Художник повернулся к слуге, жмурившемуся на ярком свету:

– Паркер, попроси мистера Грея подождать, я приду через несколько минут.

Дворецкий поклонился и ушел по дорожке к дому. Бэзил посмотрел на лорда Генри.

– Дориан Грей – мой самый близкий друг, – сказал художник. – Душа его проста и прекрасна. Твоя тетушка была совершенно права на его счет. Не вздумай его испортить! Не вздумай на него влиять! Твое влияние ничем хорошим не закончится. Мир огромен, в нем много удивительнейших людей. Не забирай от меня единственного человека, который придает моей живописи все ее очарование! От него зависит мое творчество. Помни, Гарри, я тебе доверяю!

Бэзил говорил очень медленно, слова давались ему с трудом.

– Что за ахиною ты несешь! – улыбнулся лорд Генри, взял Холлуорда под руку и буквально потащил к дому.

Глава 2

Дориан Грей сидел за фортепьяно к ним спиной и листал страницы «Лесных сцен» Шумана.

– Ты просто обязан одолжить мне эти ноты, Бэзил! – воскликнул он. – Я хочу их разучить! Они совершенно обворожительны!

– Все зависит от того, как ты будешь сегодня позировать, Дориан.

– О, я устал позировать, и мне вовсе не нужен свой портрет в полный рост! – капризно протянул юноша, крутясь на вращающемся табурете. Заметив лорда Генри, он чуть покраснел и вскочил: – Прошу прощения, Бэзил, я не знал, что ты не один.

– Дориан, это лорд Генри Уоттон, мой старинный оксфордский друг. Только сейчас я говорил ему, какой из тебя отличный натурщик, а ты все испортил.

– Вы вовсе не испортили удовольствие от знакомства с вами, мистер Грей, – произнес лорд Генри, шагнув ему навстречу, и протянул руку. – Моя тетушка часто рассказывает про вас. Вы ее любимец и, боюсь, также ее жертва.

– На данный момент я в черном списке, – с забавно-сокрушенным видом ответил Дориан. – В прошлый вторник обещал поехать с ней в клуб в Уайтчепеле и совершенно об этом позабыл. Мы должны были играть в четыре руки – три произведения, по-моему. Даже не знаю, что она скажет. Мне так страшно у нее появляться!

– О, я помирю вас. Тетушка очень к вам привязана. И вряд ли ваше отсутствие заметила публика. Когда тетя Агата садится к фортепьяно, она производит достаточно шума для двоих исполнителей.

– Это ужасно несправедливо по отношению к ней и не очень приятно для меня! – со смехом ответил Дориан.

Лорд Генри внимательно посмотрел на него. Несомненно, юноша был удивительно красив – четко очерченные алые губы, искренние голубые глаза, кудрявые золотистые волосы. Было в его чертах нечто вызывающее доверие. В нем сочеталось прямодушие юности и ее пылкая непорочность. Сразу чувствовалось, что он сторонится соблазнов жизни. Неудивительно, что Бэзил Холлуорд души в нем не чаял.

– Для занятий благотворительностью вы слишком очаровательны, мистер Грей, слишком очаровательны. – Лорд Генри улегся на тахту и раскрыл портсигар.

Художник занялся смешиванием красок и подготовкой кистей. Вид у него был встревоженный. Услышав последнее замечание лорда Генри, он бросил на него взгляд, поколебался и сказал:

– Гарри, я хочу закончить картину сегодня. Ты не сочтешь за грубость, если я попрошу тебя уйти?

Лорд Генри улыбнулся и посмотрел на Дориана Грея.

– Мне уйти, мистер Грей? – спросил он.

– Ах, прошу вас, не уходите, лорд Генри! Я вижу, что сегодня Бэзил снова не в настроении, а я терпеть не могу, когда он дуется! Кроме того, я хочу узнать, почему же мне не стоит заниматься благотворительностью.

– Не знаю, что и ответить вам, мистер Грей. Тема настолько громоздкая, что говорить о ней нужно серьезно. Раз уж вы попросили меня остаться, то теперь я никуда не сбегу. Бэзил, ведь ты не очень против? Сам повторял не раз, что тебе нравится, когда твоим натурщикам есть с кем поболтать.

Холлуорд закусил губу.

– Если так хочет Дориан, ты, конечно же, должен остаться. Прихвати Дориана – закон для всех, кроме его самого.

Лорд Генри взял шляпу и перчатки.

– Бэзил, хотя ты очень настойчив, к сожалению, мне пора. У меня встреча в «Орлеане». Прощайте, мистер Грей. Приходите как-нибудь после полудня ко мне на Керзон-стрит. В пять часов я практически всегда бываю дома. Напишите мне заранее. Будет жаль, если мы разминемся.

– Бэзил, – вскричал Дориан Грей, – если лорд Генри Уоттон уйдет, я тоже уйду! За работой ты рта не раскроешь, а стоять на подиуме и улыбаться – ужасно скучно! Попроси его не уходить!

– Останься, Гарри, угоди Дориану и сделай одолжение мне, – проговорил Холлуорд, пристально глядя на картину. – За работой я и правда никогда не разговариваю и не слушаю, и моим несчастным натурщикам бывает отчаянно скучно. Умоляю, останься!

– А как же моя встреча в «Орлеане»?

Художник засмеялся.

– Не думаю, что это препятствие. Присядь, Гарри. Дориан, возвращайся на подиум и не слушай, что говорит Генри. Он весьма дурно влияет на всех своих друзей, за исключением, пожалуй, одного меня.

Дориан ступил на помост с видом юного греческого мученика и соорудил недовольную гримаску лорду Генри, к которому уже успел привязаться. Он так отличался от Бэзила! Вместе они являли восхитительный контраст. А какой дивный у него голос!.. Через некоторое время юноша спросил:

– Неужели вы действительно дурно влияете на людей? Все настолько плохо, как утверждает Бэзил?

– Влияние бывает только дурным, мистер Грей. С научной точки зрения любое влияние аморально.

– Почему же?

– Потому что влиять на человека – значит отдавать ему свою душу. Он утрачивает собственные мысли и не пылает собственными страстями. Ни его добродетели, ни грехи – если таковые вообще существуют – ему не принадлежат. Он становится эхом чужой музыки, актером, играющим роль, написанную для другого. Цель жизни – самосовершенствование. Осознать собственную сущность – вот для чего мы здесь! В наши дни люди боятся самих себя. Они забыли главное из всех обязательств – обязательство перед собой. Разумеется, им свойственно сострадание. Они накормят голодного, оденут нищего. Однако их собственные души голодны и наги. Наше поколение утратило силу духа. Возможно, у нас ее и не было. Боязнь мнения общества, основанного на морали, боязнь Бога, в которой и заключается секрет нашей религии, – вот что нами движет. И все же...

– Поверни голову чуть вправо, Дориан, будь хорошим мальчиком, – проговорил художник. Он был настолько глубоко погружен в работу, что ничего не слышал и заметил лишь новое выражение на лице юноши, какого прежде не видел.

– И все же, – продолжил лорд Генри низким мелодичным голосом, сопровождая свои слова изящными жестами, свойственными ему еще со времен Итона, – я верю, что если человек захочет прожить свою жизнь целиком и полностью, придать форму каждому своему чувству, выразить каждую мысль, воплотить каждую мечту, – я верю, что мир обретет импульс радости столь бодрящий, что мы позабудем все недуги Средневековья и вернемся к эллинскому идеалу или к чему-то еще более яркому и прекрасному! Однако даже самый дерзостный из нас боится самого себя. Победа над варварством привела к прискорбному самоотречению. Мы наказаны за неприятие самих себя. Каждый порыв, что мы пытаемся погасить, гнездится в нашем уме и отравляет нам жизнь. Тело согрешит единожды и на этом закончит, ибо действие ведет к очищению. Останется лишь воспоминание о наслаждении либо же роскошь сожаления. Единственный способ избавиться от искушения – ему поддаться. Вздумаешь

противиться – душа захиреет, взалкав запретного, истомится от желаний, которые чудовищный закон, тобою же созданный, признал порочными и противозаконными. Говорят, величайшие события мирового масштаба происходят в голове. Там же совершаются и величайшие грехи мира. Вас, мистер Грей, именно вас с вашей ало-розовой юностью и бело-розовым отроцеством, обуревают страсти, которых вы боитесь, мысли, которые вас ужасают, мечты и сны, даже воспоминания о которых заставляют ваши щеки пылать от стыда...

– Прекратите! – дрогнул Дориан Грей. – Прекратите! Вы совсем сбили меня с толку. Не знаю, что и сказать. Ответ наверняка есть, только мне его не найти. Помолчите! Позвольте мне подумать. Или скорее позвольте мне не думать!

Почти десять минут он стоял неподвижно с полуоткрытым ртом и горящими глазами, смутно сознавая, что в нем бродят совершенно новые для него веяния. И при этом они будто шли изнутри. Несколько слов, сказанных другом Бэзила, – слов случайных, вне всякого сомнения, и намеренно парадоксальных, – затронули тайные струны души, которых никто не касался прежде; теперь же они вибрировали и дрожали в удивительном ритме.

Так же на Дориана действовала музыка. Но музыка не бывает столь четкой в выражении мысли. Она стала для него не новым миром, а скорее еще одним хаосом. Слова! Всего лишь слова! Как они ужасны! Как четки, ярки и жестоки! От них никуда не деться. И до чего коварна их магия! Они придают твердую форму вещам бесформенным, обладают своей собственной музыкой, похожей по мелодичности на альт или лютню. Всего лишь слова! Есть ли что-нибудь более реальное, чем слова?

Да, в его отроцестве были вещи, которых он не понимал. Зато понял их сейчас. Внезапно жизнь запылала яркими красками. Ему казалось, что он идет через огонь. Почему он не знал этого раньше?

Лорд Генри наблюдал за юношей с проницательной улыбкой, прекрасно зная, когда следует промолчать. Его поразил неожиданный эффект, который произвели его слова, и он вспомнил книгу, прочтенную в шестнадцать лет и открывшую ему многое прежде неведомое. Лорд Генри задался вопросом, не переживает ли сейчас Дориан Грей нечто подобное. Он всего лишь выстрелил наугад. Неужели попал в яблочко? До чего же удивительный юноша!..

Холлуорд писал свойственными ему смелыми мазками, в которых проявляется истинная изысканность и безупречная утонченность большого таланта. Наступившего молчания он не заметил.

– Бэзил, я устал стоять! – неожиданно вскричал Дориан Грей. – Мне нужно выйти и посидеть в саду. Здесь нечем дышать!

– Дорогой мой, прости! Если я пишу, то ни о чем другом не думаю. Ты никогда не позировал лучше! Ты стоял совершенно неподвижно. И я наконец уловил выражение, которое искал, – губы полуоткрыты, глаза горят... Не знаю, что говорил тебе Гарри, но он произвел на тебя самое удивительное впечатление. Думаю, засыпал тебя комплиментами. Не верь ни единому слову!

– Complimentами меня он точно не засыпал. Вероятно, именно поэтому я не верю ничему из того, что он наговорил.

– Вы прекрасно знаете, что поверили всему, – протянул лорд Генри, мечтательно глядя на юношу затуманившимися глазами. – Я выйду с вами в сад. В студии жуткая жара. Бэзил, дай нам попить чего-нибудь ледяного, желательнее с клубникой.

– Конечно, Гарри. Позвони в колокольчик, придет Паркер, и я закажу, чего вы хотите. Мне нужно поработать над фоном, присоединюсь к вам попозже. Не задерживай Дориана. Никогда я не был в лучшей форме, чем сегодня! Получится шедевр! Да что там, это уже шедевр.

Лорд Генри вышел в сад и увидел Дориана Грея, зарывшегося лицом в огромную кисть сирени и жадно глотавшего ее аромат, словно это было вино. Он положил юноше руку на плечо.

– Тут вы совершенно правы. Кроме чувств, ничто не способно излечить душу, равно как ничто, кроме души, не способно излечить чувства.

Юноша вздрогнул и отшатнулся. Он стоял с непокрытой головой, листья взъерошили своенравные кудри и перепутали золотистые пряди. В глазах мелькнул испуг, как бывает у внезапно разбуженного человека. Красиво очерченные ноздри затрепетали, алые губы задрожали от тайного волнения.

– Да, – продолжил лорд Генри, – это одна из величайших тайн жизни – душу исцелять посредством чувств, а чувства – посредством души. Вы – удивительное создание. Знаете больше, чем думаете, и в то же время меньше, чем хотели бы знать.

Дориан Грей нахмурился и посмотрел в другую сторону. Ему не мог не нравиться высокий, приятный молодой человек, стоявший с ним рядом. Романтичное, смуглое лицо и выражение истомы на нем заинтересовали юношу. В низком апатичном голосе было нечто совершенно завораживающее. Даже холодные, белые и нежные, как цветы, кисти рук несли в себе непонятное очарование. Они двигались в такт мелодичному голосу лорда Генри и словно говорили на своем языке. Вместе с тем юноша испытывал страх, которого отчасти стыдился. Почему он позволил незнакомцу открыть ему самого себя? Хотя он знал Бэзила Холлуорда несколько месяцев, их дружба никак на нем не отразилась, и вдруг появляется некто, будто бы разгадавший тайну жизни. Хотя чего же здесь бояться? Ведь он не школьник и не девушка. Бояться нелепо!

– Вот и Паркер с напитками. Пойдемте посидим в тени, – предложил лорд Генри. – Впрочем, если вы останетесь на солнышке чуть дольше, то кожа испортится, и Бэзил не захочет писать вас снова. Вам нельзя обгорать. Зрелище будет удручающее.

– Какая разница? – воскликнул Дориан Грей, присаживаясь на скамью в конце сада.

– Для вас разница огромная, мистер Грей.

– Почему же?

– Потому что сейчас вы в поре дивной юности, а юность – единственное, что стоит сохранить.

– Я этого не ощущаю, лорд Генри.

– Да, сейчас вам не понять. Вы все прочувствуете, когда станете старым и уродливым, когда заботы избороздят ваш лоб морщинами, страсти опалят губы своими мерзостными пожарами, вот тогда вы прочувствуете в полной мере. Сейчас вы, куда бы ни пошли, очаровываете всех и вся. Будет ли так всегда? Лицо ваше красоты удивительной, мистер Грей. Не хмурьтесь. Так и есть. Красота – разновидность таланта, более того, она превышает таланта, поскольку не нуждается в разъяснении. Такова одна из величайших данностей этого мира, как и солнечный свет, весна или отражение в темных водах серебряной скорлупки, которую мы называем луной. Красота не подлежит сомнению. Ей присуще священное право всевластия. Она делает своих обладателей королями. Улыбаетесь? Утратив красоту, улыбаться вы перестанете... Некоторые утверждают, что красота поверхностна. Может быть, и так, однако она не настолько поверхностна, как мысль. На мой взгляд, красота – чудо из чудес. По внешности не судят лишь люди ограниченные. Истинную тайну этого мира хранит видимое, а не скрытое... Да, мистер Грей, боги одарили вас щедро. Впрочем, они быстро отбирают свои дары. У вас всего несколько лет, чтобы пожить полной жизнью. Когда пройдет юность, она уведет с собой и красоту, и вы внезапно обнаружите, что побед у вас не осталось, либо же вам придется довольствоваться теми скудными победами прошлого, которые ваша память сделает куда более горькими, чем поражение. Каждый месяц влечет вас все ближе к жестокому концу. Время вам завидует и сражается против ваших лилий и роз. Кожа ваша пожелтеет, щеки ввалятся, глаза потускнеют. Страдания ваши будут ужасны... Цените юность, пока она у вас есть. Не расточайте золото своих дней, внимая лицемерным занудам, пытаясь найти выход из безвыходных ситуаций или растрчивая жизнь на невежд, бездарей и чернь. Все это нездоровые стремления и ложные

идеалы нашего века. Живите! Живите той удивительной жизнью, которая в вас есть! Не проходите мимо новых ощущений, ищите их сами! Не бойтесь ничего! Новый гедонизм – вот чего жаждет наш век! Вы можете стать его зримым символом. Для вас как личности нет ничего невозможного. На некоторое время мир принадлежит только вам... Встретив вас, я понял: вы совершенно не осознаете, кто вы или кем могли бы стать. Я обнаружил в вас столь много всего, меня очаровавшего, что понял: я обязан рассказать вам кое-что о вас самом. Трагично растратить себя понапрасну, ведь юность длится так недолго... Полевые цветы вянут, потом расцветают вновь. В следующем июне золотой дождь будет таким же ослепительным, как и сейчас. Через месяц на клематисе распустятся лиловые звезды, и зеленая ночь его листвы будет таить эти лиловые звезды год за годом. А юность вы не вернете никогда. Пульс радости, что бьется в нас в двадцать лет, замедлится, руки и ноги ослабеют, чувства притупятся. Мы выродимся в уродливых марионеток, терзаемых воспоминаниями о страстях, которых слишком боялись, и восхитительных соблазнах, отдаться которым нам не хватило силы духа. Юность! Юность! В жизни нет ничего, ей подобного!

Дориан Грей пораженно слушал с широко раскрытыми глазами. Кисть сирени выпала из его рук. Пушистая пчела прилетела и покружилась вокруг нее, потом принялась ползать по овальному шару крошечных звездчатых соцветий. Юноша наблюдал за пчелкой с тем необъяснимым интересом к пустякам, что мы проявляем в моменты страха перед событиями исключительной важности, или под влиянием нового чувства, которое не можем выразить, или же долгое время осаждавшей наш разум тягостной мысли, которой нам не хватает силы духа поддаться. Вскоре пчела улетела и залезла в трубочку пурпурного вьюнка. Цветок вздрогнул и закачался взад-вперед.

Внезапно в дверях студии возник художник и отрывисто замахал, приглашая их внутрь. Они посмотрели друг на друга и улыбнулись.

– Я жду! – вскричал Бэзил. – Входите же! Свет теперь превосходный, а напитки можете захватить с собой.

Они поднялись и не спеша пошли по дорожке. Мимо порхнули две бело-зеленые бабочки, на груше в углу сада запел дрозд.

– Вы рады, что встретились со мной, мистер Грей, – заметил лорд Генри, глядя на юношу.

– Да, теперь я рад! Интересно, будет ли так всегда?

– Всегда! Ужасное слово. Услышав слово «всегда», я содрогаюсь. Его чересчур любят женщины, способные испортить любой роман. Это слово лишено всякого смысла. Единственная разница между прихотью и любовью всей жизни заключается в том, что прихоть живет чуть дольше.

Войдя в студию, Дориан Грей положил руку на плечо лорда Генри.

– В таком случае пусть наша дружба будет прихотью, – пробормотал он, смущаясь своей прямооты, взошел на платформу и принял прежнюю позу.

Лорд Генри расположился в широком плетеном кресле и принялся наблюдать за юношей. Мазки и удары кисти по холсту были единственными звуками, нарушавшими тишину, да еще Холлуорд время от времени отходил назад, чтобы посмотреть на свою работу издалека. В лившихся в открытые двери косых лучах солнца танцевали золотистые пылинки. Студию окутывал густой аромат роз.

Через четверть часа Холлуорд закончил писать, долгое время смотрел на Дориана Грея, потом на картину, покусывая кончик большой кисти и хмурия лоб.

– Вот теперь готово! – наконец вскричал он, нагнувшись и надписав свое имя длинными алыми буквами в левом углу картины.

Лорд Генри подошел к холсту и принялся его рассматривать. Несомненно, это был удивительный шедевр, и сходство с оригиналом тоже было удивительное.

– Дорогой мой, поздравляю от всей души! Это лучший портрет нашего времени. Мистер Грей, идите и посмотрите на себя.

Юноша вздрогнул, словно пробуждаясь от сна.

– Неужели готово? – пробормотал он, спускаясь с подиума.

– Вполне, – ответил художник. – Сегодня ты позировал просто замечательно. Я тебе ужасно благодарен!

– Благодарить следует меня, – вмешался лорд Генри. – Не так ли, мистер Грей?

Дориан не ответил, безучастно прошел к картине и повернулся к ней лицом. Увидев портрет, он отпрянул, щеки его зарделись от удовольствия. Глаза радостно заблестели, словно он впервые узнал себя на картине. Он стоял неподвижно и дивился, едва замечая слова Холлуорда. Осознание собственной красоты, никогда не ощущавшейся прежде, снизошло на него как откровение. Compliments Бэзила Холлуорда казались ему очаровательными преувеличениями из дружеских чувств. Он их слушал, смеялся над ними и тут же забывал. Они никак не влияли на его душу. Потом появился лорд Генри Уоттон со своим странным панегириком юности и грозным предупреждением о ее скоротечности. Вот тогда юношу проняло, и теперь, когда он смотрел на тень своей красоты, на него обрушилась вся полнота жестокой реальности. Да, наступит день, когда лицо его пожелтеет и покроется морщинами, глаза утратят блеск и потускнеют, изящество фигуры исказится. С губ пропадет алый цвет, золото волос погаснет. Жизнь, формируя его душу, изуродует тело. Он станет отвратителен, безобразен и неуклюж.

При мысли об этом Дориана пронзила острая, как нож, боль, заставившая содрогнуться все нежные струны его души. Глаза потемнели до цвета аметиста, их заволокла пелена слез. Ему показалось, будто сердце сжала ледяная рука.

– Разве тебе не нравится? – наконец не выдержал Холлуорд, немного уязвленный молчанием юноши и не понимающий его причины.

– Разумеется, ему нравится, – сказал лорд Генри. – Да и кому не понравилось бы? Это один из величайших шедевров современной живописи. Готов отдать за него все, чего ни попросишь. Я хочу эту картину!

– Гарри, она не моя собственность.

– Тогда чья же?

– Разумеется, Дориана, – ответил художник.

– Повезло ему.

– До чего грустно! – пробормотал Дориан Грей, не отрывая взгляда от своего портрета. – До чего грустно! Я состарюсь, сделаюсь уродливым и страшным. А картина навсегда останется юной. Она никогда не будет старше именно этого июньского дня... Вот бы могло быть иначе! Вот бы я всегда оставался юным, а картина старилась! За это... за это я отдал бы все что угодно! Да, во всем мире нет ничего, что бы я пожалел. Я готов и душу свою отдать!

– Вряд ли Бэзил пошел бы на подобное соглашение, – со смехом воскликнул лорд Генри. – Незавидная судьба для картины.

– Гарри, я был бы резко против! – заявил Холлуорд.

Дориан Грей обернулся и посмотрел на него:

– Еще бы, Бэзил. Искусство тебе куда важнее друзей. Для тебя я значу не больше, чем позеленевшая бронзовая статуя. Пожалуй, ничуть не больше.

Художник уставился на него в недоумении. Подобные речи были так не похожи на обычную манеру Дориана. Что же случилось? Судя по всему, юноша очень разозлился. Лицо горело, щеки покраснелись.

– Да, – продолжил Дориан Грей, – для тебя я значу меньше, чем твой Гермес из слоновой кости или серебряный фавн! Их ты будешь любить всегда. А сколько тебе буду дорог я? Думаю, пока у меня не появятся первые морщины. Теперь я знаю: едва человек утратит красоту, он

потеряет все! Этому меня научила твоя картина. Лорд Генри Уоттон совершенно прав. Юность – единственное, что стоит сохранить. Когда я обнаружу, что начал стареть, я себя убью!

Холлуорд побледнел и схватил его за руку.

– Дориан! Дориан! – вскричал он. – Не говори так! У меня никогда не было лучшего друга, чем ты, и никогда не будет! Неужели ты завидуешь предметам неодушевленным?! Ведь ты гораздо прекраснее любого из них!

– Я завидую всему, чья красота не умрет! Я завидую портрету, который ты с меня написал! Почему он сохранит то, что я утрачу? Каждый миг крадет у меня и отдает ему. О, вот бы только могло быть наоборот! Пусть бы менялся портрет, а я всегда оставался таким, как сейчас! Зачем ты его написал? Однажды он начнет надо мной глумиться – глумиться по-страшному!

В глазах юноши вскипели жгучие слезы, он вырвал руку, бросился на тахту и зарылся лицом в подушки.

– Смотри, что ты наделал, – с горечью произнес художник.

Лорд Генри пожал плечами:

– Вот тебе настоящий Дориан Грей.

– Вовсе он не такой!

– Если он не такой, то при чем тут я?

– Тебе следовало уйти, когда я попросил.

– Я остался лишь потому, что ты попросил, – был ответ лорда Генри.

– Гарри, я не могу ссориться с двумя друзьями сразу, но раз уж вы оба заставили меня возненавидеть мою лучшую работу, то я ее уничтожу. Ведь это всего лишь холст и краски! Я не позволю им вторгнуться в нашу жизнь и ее исковеркать!

Дориан Грей поднял золотоволосую голову с подушки – лицо бледное, глаза заплаканные – и с ужасом смотрел, как Бэзил идет к деревянному рабочему столу возле высокого окна. Что ему нужно? Художник порылся среди тюбиков с красками и сухих кистей, словно что-то искал. Да, он искал длинный шпатель с тонким упругим лезвием. Шпатель нашелся быстро. Бэзил решил изрезать холст.

Сдерживая рыдания, юноша вскочил с тахты, бросился к Холлуорду, вырвал нож из его руки и забросил в дальний конец студии.

– Не надо, Бэзил, не надо! – вскричал он. – Это все равно что убийство!

– Я рад, что ты наконец оценил мои труды, Дориан, – холодно заметил художник, справившись с удивлением. – Думал, не сподобишься.

– Оценил? Бэзил, я влюблен в твою картину! Мне кажется, что это часть меня.

– Что ж, как только ты высохнешь, тебя покроют лаком, вставят в раму и отправят домой. Тогда можешь делать с собой все, что тебе угодно. – Художник прошел через комнату и позвонил в колокольчик. – Дориан, ведь ты выпьешь чаю? И ты, Гарри? Или же ты не любитель столь простых удовольствий?

– Обожаю простые удовольствия, – заявил лорд Генри. – Они – последнее прибежище натур сложных. Подобных сцен я терпеть не могу, разве что в театре. Что за нелепые люди вы оба! Ума не приложу, как можно утверждать, что человек – существо рациональное. Пожалуй, это самое непродуманное определение из всех существующих. Человек обладает разными качествами, но только не рациональностью. Как бы там ни было, я этому рад, хотя лучше бы вы, друзья, не вздорили из-за картины. Будет гораздо разумнее, Бэзил, если ты отдашь ее мне. Глупому мальчишке она вряд ли нужна, а вот я был бы рад получить этот портрет.

– Если ты не отдашь его мне, Бэзил, я не прошу тебя никогда! – вскричал Дориан. – И я никому не позволю называть меня глупым мальчишкой!

– Ты знаешь, что портрет твой, Дориан. Я подарил его тебе еще до того, как написал.

– Вы должны понимать, что вели себя глупо, мистер Грей, и вряд ли вам следует возражать против напоминания, что вы чрезвычайно юны.

– Еще сегодня утром я возразил бы непременно, лорд Генри.

– Ха! Сегодня утром! С тех пор вы многое пережили.

В дверь постучали. Вошел дворецкий с чайным подносом и поставил его на японский столик. Раздался звон чашек и блюдец, мелодичное шипение георгианского чайника. Мальчик-слуга внес фарфоровую сахарницу и молочник. Дориан Грей налил всем чаю. Двое молодых людей неспешно приблизились к столу и заглянули под крышки блюд.

– Поедемте сегодня в театр, – предложил лорд Генри. – Наверняка где-нибудь что-нибудь идет. Я обещал отобедать у Уайта с одним приятелем, но могу послать ему телеграмму, что заболел или мне помешала прийти более поздняя договоренность. Пожалуй, это будет неплохим оправданием в силу своей неожиданной откровенности.

– Какая скука наряжаться в вечерний костюм! – пробормотал Холлуорд. – Стоит его только надеть, как жизнь делается невыносимой!

– Да, – задумчиво протянул лорд Генри, – наряды девятнадцатого века отвратительны. Такие мрачные, такие унылые. В современной жизни порок – единственный яркий элемент.

– Гарри, вовсе не стоит говорить такие вещи в присутствии Дориана.

– Какого именно Дориана? Того, что наливает нам чай, или того, что на картине?

– Я про обоих.

– Лорд Генри, я бы очень хотел поехать с вами в театр! – сказал юноша.

– Так едемте. Ты ведь с нами, Бэзил?

– Увы, не могу. Много работы.

– Что ж, тогда отправимся вдвоем, мистер Грей.

– С большим удовольствием!

Художник закусил губу и с чашкой в руке отправился к картине.

– Я останусь с настоящим Дорианом, – грустно проговорил он.

– Неужели это настоящий Дориан? – вскричал оригинал, подходя к портрету. – Неужели я действительно таков?

– Да, ты именно таков.

– До чего замечательно, Бэзил!

– По крайней мере, внешне. Он ведь никогда не изменится, – вздохнул Бэзил. – И это прекрасно.

– До чего много значения люди придают измене! – воскликнул лорд Генри. – А ведь даже в любви это лишь вопрос физиологии. И наши желания тут ни при чем. Юноши хотели бы не изменять, но не могут, старцы хотели бы изменять, но тоже не могут. Что еще тут скажешь!

– Не езди сегодня в театр, Дориан, – попросил Холлуорд. – Останься и поужинай со мной.

– Не могу, Бэзил.

– Почему же?

– Потому что я пообещал лорду Генри Уоттону поехать с ним.

– Он не станет любить тебя больше, если будешь выполнять обещания. Он-то своих не выполняет. Прошу тебя, не езди!

Дориан Грей рассмеялся и покачал головой.

– Умоляю, останься!

Юноша заколебался и посмотрел на лорда Генри, который наблюдал за ними, сидя возле чайного столика с улыбкой на губах.

– Бэзил, я должен ехать.

– Ну ладно, – проговорил Холлуорд и поставил чашку на поднос. – Уже довольно поздно, так что не теряйте времени, ведь тебе еще нужно переодеться. Прощай, Гарри. Прощай, Дориан. Приходи меня повидать. Приходи завтра.

– Конечно.

– Не забудешь?

– Нет, конечно же нет! – вскричал Дориан.
– И... Гарри!
– Да, Бэзил?
– Помни, о чем я попросил тебя утром в саду!
– Уже забыл.
– Я тебе доверяю.
– Хотел бы я доверять сам себе! – со смехом откликнулся лорд Генри. – Пойдемте, мистер Грей, мой экипаж ждет снаружи. Прощай, Бэзил! День сегодня выдался крайне занимательный.
Когда дверь за ними закрылась, художник бросился на тахту, и лицо его исказилось от боли.

Глава 3

На следующий день в половине первого лорд Генри Уоттон прогулялся от Керзон-стрит до Олбани, чтобы навестить своего дядюшку, лорда Фермора, добродушного, хотя и не отличавшегося любезностью старого холостяка, которого многие почитали эгоистом за определенную скаредность, однако в обществе сльвишего человеком широкой души, поскольку он щедро потчевал тех, кто его развлекал. Его отец служил послом в Мадриде, когда королева Изабелла была молода, а о генерале Приме никто и помыслить не мог. В порыве раздражения за то, что ему не предложили стать послом в Париже, отец покинул дипломатическую службу, хотя и считал себя кандидатом наиболее для нее подходящим благодаря происхождению, праздности, прекрасному стилю депеш и необузданной страсти к удовольствиям. Бывший у него в секретарях сын уволился с ним вместе, что в то время многие сочли неразумным, и, войдя через несколько месяцев в права наследства, посвятил себя целиком аристократическому искусству абсолютного безделья. В городе у него было два особняка, но лорд Фермор предпочитал проживать в меблированных апартаментах, что находил менее хлопотным, столовался же по большей части в клубе. Иногда он проявлял сдержанный интерес к управлению своими угольными шахтами в центральных графствах Англии, оправдывая этот презренный промысел тем, что владение углем позволяет джентльмену роскошь – топить свой камин дровами. В политике он был консерватором, кроме тех периодов, когда консерваторы приходили к власти, и уж тогда лорд Фермор открыто поносил их как шайку радикалов. Для своего камердинера он был кумиром, что не мешало тому его третировать, и мучителем для большей части своей родни, которую третировал уже он сам. Только Англия могла породить подобный экземпляр, и он неизменно утверждал, что страна катится ко всем чертям. Принципы его давно устарели, зато в защиту предрассудков лорда Фермора свидетельствовало многое.

Когда лорд Генри вошел в комнату, дядюшка сидел в суконной охотничьей куртке, покурил мантильскую сигару и ворчал над «Таймс».

– Ну, Гарри, – проговорил старик, – что подняло тебя в эдакую рань? Я думал, что вы, денди, раньше двух не встаете, а до пяти и из дома не выходите.

– Поверьте, дядюшка Джордж, дело лишь в семейной привязанности. Мне от вас кое-что нужно.

– Полагаю, деньги, – заметил лорд Фермор, скорчив гримасу. – Что ж, садись и выкладывай как есть. Современная молодежь воображает, что деньги – это все.

– Да, – протянул лорд Генри, поправляя цветок в петлице, – и повзрослев, они в этом убеждаются. Только я пришел не за деньгами. Они нужны людям, которые платят по счетам, дядюшка Джордж, я же не плачу никогда. Капитал младшего сына – кредит, и на него можно неплохо жить. Кроме того, я имею дело с поставщиками Дартмура, а те мне не досаждают. Я пришел к вам за информацией, однако не за полезной, а за совершенно бесполезной.

– Я могу рассказать тебе обо всем, что есть в Синей книге Англии, Гарри, хотя в наши дни там пишут полную чепуху. Когда я был в дипломатическом корпусе, дела обстояли куда лучше. Слыхал я, сейчас на дипломата нужно сдавать экзамен. Чего от них еще ждать? Экзамены, сэр, суть сплошное очковтирательство от начала и до конца. Если человек джентльмен, то знает вполне достаточно, если он не джентльмен, то любые знания не доведут его до добра.

– Мистер Дориан Грей к Синим книгам² не имеет ни малейшего отношения, дядюшка Джордж, – лениво проговорил лорд Генри.

– Мистер Дориан Грей? Кто он такой? – спросил лорд Фермор, хмуря седые кустистые брови.

² Справочник, содержащий сведения о лицах, занимающих высокие государственные должности, писателях, ученых и т. д.

– Это я и хотел узнать у вас, дядя Джордж. Точнее, мне известно, кто он. Последний внук лорда Келсо. Его матерью была леди Деверо, Маргарет Деверо. Расскажите мне о ней. Какой она была? За кого вышла замуж? В свое время вы знали почти всех, может, и с ней встречались. В данный момент мистер Грей меня весьма занимает. Мы только что познакомились.

– Внук Келсо! – повторил старик. – Внук Келсо! Ну конечно же... Я хорошо знал его мать. Кажется, я даже присутствовал на ее крестинах. Красавицей она была необыкновенной, эта Маргарет Деверо, и привела в ярость всех женихов, сбежав с молодчиком без гроша за душой – полным ничтожеством, младшим офицером в пехотном полку или вроде того. Само собой, я помню всю историю, будто она случилась вчера. Несколько месяцев спустя бедолагу убили на дуэли в Спа. Неприятная вышла история. Поговаривали, что Келсо нанял какого-то каналью, бельгийского головореза, чтобы тот оскорбил его зятя публично – заплатил ему, сэр, заплатил за ссору, – и тот пристрелил новобрачного, как голубя. Историю замяли, но черт возьми! Долгое время в клубе Келсо ел свои отбивные котлеты в полном одиночестве. Он забрал дочь к себе, как я слышал, и она ни разу с ним не заговорила. Да, грязное вышло дельце. Девушка тоже умерла, умерла в течение года. После нее остался сын? Я и забыл. Что он за мальчик? Если пошел в мать, то наверняка хорош собой.

– Даже очень, – заверил лорд Генри.

– Надеюсь, он попадет в надежные руки, – продолжил старик. – Если Келсо поступил по совести, то у мальчика теперь куча денег. Мать тоже была при деньгах. К ней перешло поместье Сэлби, досталось от деда. Ее дед ненавидел Келсо, считал его скрягой. И не зря. Как-то он приехал в Мадрид, когда я там служил. Черт возьми, мне было за него стыдно! Королева частенько спрашивала меня про английского дворянина, рядившегося из-за платы за проезд. Наделал он шуму. Я с месяц не отваживался показаться при дворе. Надеюсь, он обращался с внуком получше, чем с извозчиками.

– Не знаю, – ответил лорд Генри. – Мне кажется, мальчик будет богат. Он еще несовершеннолетний. И он владеет Сэлби, я знаю. Он сам мне сказал. Значит, его мать была очень красива?

– Маргарет Деверо была прелестнейшим созданием, Гарри. Я так и не понял, какого черта она сбежала с тем офицериком. Могла выйти замуж за любого аристократа. Сам Карлингтон сходил по ней с ума. Впрочем, она была девушка романтическая. Как и все женщины в ее роду. Мужчины у них ничтожества, но женщины – черт побери! – женщины прекрасны. Карлингтон падал перед ней на колени. Сам рассказывал. Она над ним посмеялась, а ведь тогда за ним охотились все невесты Лондона. Кстати, Гарри, раз уж речь зашла о нелепых браках: что за чушь мне толкует твой отец про желание Дартмура жениться на американке? Разве для него недостаточно хороши англичанки?

– Жениться на американках нынче весьма модно, дядя Джордж.

– Я стою за англичанок, и пусть хоть весь мир будет против! – воскликнул лорд Фермор, стукнув кулаком по столу.

– Ставки на американок гораздо выше.

– Насколько я слышал, надолго их не хватает, – проворчал дядюшка.

– Долгая помолвка американок выматывает, они любят брать препятствия с налета. Натиск их стремителен. Вряд ли у Дартмура есть шанс отвертеться.

– Кто ее родня? – хмуро спросил старик. – Есть ли она вообще?

Лорд Генри покачал головой.

– Американки столь же умело скрывают своих родителей, сколь англичанки – свое прошлое, – сказал он, вставая.

– Полагаю, ее родичи – экспортеры свинины?

– Надеюсь, дядя Джордж, ради блага Дартмура. Я слышал, что после политики экспорт свинины – самое прибыльное в Америке занятие.

– Она хорошенькая?

– Ведет себя как красавица. Как и большинство американок. В этом весь секрет их обаяния.

– Почему бы этим чертовым американкам не оставаться в своей стране? Как утверждают, там настоящий рай для женщин.

– Так и есть. Именно поэтому они, как Ева, жаждут оттуда убраться, – заметил лорд Генри. – Прощайте, дядя Джордж. Если задержусь подольше, то опоздаю на ленч. Благодарю за предоставленную информацию. Мне всегда нравится знать все про моих новых друзей и ничего – про друзей старых.

– К кому ты спешишь, Гарри?

– К тете Агате. Я иду сам и позвал мистера Грея. Он ее новый протезе.

– Хм! Гарри, передай тете Агате, чтобы больше не беспокоила меня своими филантропическими призывами! Мне от них уже тошно. С какой стати эта добрая женщина вообразила, что мне нечем заняться, кроме как выписывать чеки для ее дурацких причуд?

– Ладно, дядя Джордж, я ей передам, но вряд ли будет толк. Филантропы напрочь лишены человечности. Это их отличительная черта.

Старик одобрительно заворчал и позвонил, вызывая слугу. Лорд Генри вышел через сводчатую галерею с низким потолком на Берлингтон-стрит и направился к площади Беркли.

Вот, значит, каково происхождение Дориана Грея. Несмотря на манеру изложения дядюшки, история взволновала лорда Генри своей странной, почти современной романтичностью. Красивая женщина рискует всем ради безумной страсти. Несколько недель беспредельного счастья, прерванные гнусным, коварным преступлением. Месяцы безмолвных страданий, потом в муках рождается ребенок. Юную мать уносит смерть, мальчик-сирота остается во власти бессердечного старика. Да, любопытная биография. Трагический опыт сформировал юношу, сделал его еще более совершенным. За прекрасным всегда скрыта та или иная трагедия. И для цветения скромного цветка мука мира должна быть горька³... Как очарователен был Дориан накануне за ужином в клубе, сидя напротив лорда Генри, – в глазах изумление, губы задорно полуоткрыты, в свете красных абажуров румянец на восхищенном лице горит еще ярче. Разговаривать с ним – все равно что играть на изящной скрипке. Он откликается на каждое прикосновение смычка... До чего увлекательно ощущать силу своего влияния на другого человека! Ничто с этим не сравнится. Облечь чужую душу в изящную форму и дать ей немного выстояться, услышать свои собственные интеллектуальные суждения из чужих уст, усиленные музыкой страсти и юности, капля за каплей перелить свой собственный нрав в другого, словно жидкость или аромат, – в этом заключается истинное наслаждение, пожалуй, самое насыщенное из всех, оставшихся нам в век ограниченный и заурядный, в век грубых плотских утех и примитивных обывательских устремлений. Вдобавок этот юноша, которого он по прихоти судьбы встретил в студии Бэзила, и типаж дивный. Ну, или по крайней мере из него можно сделать нечто дивное. Ему свойственны врожденная грация, белоснежная невинность отрочества и красота античных богов, запечатленная в мраморе древними греками. Из него можно вылепить все что угодно. Из него можно сделать титана или игрушку. Досадно, что такая красота должна увянуть!.. А Бэзил! До чего же он любопытен с психологической точки зрения! Новая манера в живописи, свежий взгляд на жизнь, странным образом проявившийся благодаря присутствию того, кто об этом даже не подозревает. Бессловесный дух, незримо обитавший в темных лесах, вышел на открытый простор и безбоязненно явил себя миру, словно дриада, и потому душа художника, искавшая ее, пробудилась и обрела удивительное видение, открывшее ему природу вещей; очертания и структура вещей прояснились, возымели глубокий символический смысл, словно сами они лишь тени сущностей еще более истинных... До

³ У. Вордсворт. Откровения о бессмертии, навеянные воспоминаниями раннего детства.

чего необыкновенно все произошедшее! Лорду Генри вспомнились примеры из истории. Платон, художник мысли, впервые подверг это чувство анализу. Микеланджело изваял в цветном мраморе циклы сонетов. Однако в современном веке это по меньшей мере странно... Да, он постарается стать для Дориана Грея тем, чем, сам того не зная, юноша стал для художника, написавшего тот великолепный портрет. Он будет стремиться им завладеть, да что там, наполовину юноша уже ему принадлежит! Он непременно завладеет его дивной душой. В этом сыне Любви и Смерти есть нечто завораживающее.

Внезапно лорд Генри поднял голову и огляделся. Он понял, что проскочил мимо дома своей тетушки, улыбнулся сам себе и повернул обратно. Когда он вошел в мрачноватый холл, дворецкий сообщил, что все уже сели обедать.

– Опоздываешь как всегда, Гарри! – воскликнула тетушка, качая головой.

Он выдумал подходящий предлог, занял свободное место рядом с ней и оглядел присутствующих. С дальнего края стола ему застенчиво поклонился Дориан, краснея от удовольствия. Напротив сидела герцогиня Харли, чьи добродушие и мягкий характер были достойны восхищения, обожаемая всеми, кто ее знал, и обладательница роскошных архитектурных пропорций, благодаря которым современные историки назвали бы ее тучной, не будь она герцогиней. По правую руку от нее расположился сэр Томас Берден, член парламента и радикал. В общественной жизни он подражал главе своей партии, в частной же был приверженцем лучших поваров и следовал общеизвестному мудрому правилу: «Соглашайся с либералами, а обедай с консерваторами». Место по левую руку от герцогини занял мистер Эрскин Тредли, довольно обаятельный и просвещенный пожилой джентльмен, который, впрочем, приобрел дурную привычку отмалчиваться, поскольку, как он однажды объяснил леди Агате, годам к тридцати уже высказал все, что мог сказать. Его соседкой была миссис Ванделер, одна из старинных приятельниц тетушки лорда Генри, истинная святая, но при этом так удручающе неряшливо одетая, что напоминала молитвенник в потрепанном переплете. К счастью для мистера Эрскина, по другую руку от нее сидел лорд Фаудел – наилучший образчик интеллектуальной посредственности средних лет, простой и бессодержательный, как отчет министра в палате общин. В беседе с ним миссис Ванделер взяла тот напряженно-серьезный тон, который лорд Генри считал ошибкой непростительной, присущей всем добродетельным людям и неизменно их преследующей.

– Гарри, мы говорили о бедняге Дартмуре! – вскричала герцогиня, приветливо ему кивнув. – Как вы думаете, он действительно женится на этой неотразимой молодой особе?

– Полагаю, она твердо решила сделать ему предложение, герцогиня.

– Какой ужас! – воскликнула леди Агата. – В самом деле, пора кому-нибудь вмешаться!

– Из авторитетных источников мне стало известно, что ее отец держит магазин новейших галантерейных изделий, – презрительно бросил сэр Томас Берден.

– Сэр Томас, мой дядюшка ранее предположил, что ее отец торгует свининой.

– Галантерея! Да что у американцев за новинки такие? – спросила герцогиня, удивленно поднимая полные руки.

– Американские романы, – ответил лорд Генри, принимаясь за куропатку.

Герцогиня пришла в недоумение.

– Не обращай внимания, моя дорогая, – прошептала леди Агата. – Он никогда и ничего не говорит серьезно!

– Когда открыли Америку... – начал радикальный член парламента и погрузился в перечисление скучных фактов.

Как и все люди, стремящиеся исчерпать тему, он исчерпал лишь терпение слушателей. Герцогиня вздохнула и воспользовалась своей привилегией перебивать других.

– Как бы мне хотелось, чтобы ее вообще не открывали! – воскликнула она. – В самом деле, в наши дни у английских девушек нет ни единого шанса. Это в высшей степени несправедливо!

– Вполне вероятно, что Америка так и не была открыта, – заявил мистер Эрскин. – Я бы сказал, мы только начинаем ее открывать.

– Хм, мне доводилось видеть некоторых ее обитателей, – задумчиво ответила герцогиня. – Должна признать, большинство американок чрезвычайно хорошенькие. И одеваются весьма недурно. Все их наряды куплены в Париже. К сожалению, я себе такого позволить не могу.

– Говорят, хорошие американцы после смерти отправляются в Париж, – хихикнул сэр Томас, обладавший значительным запасом бородатых острот.

– Да что вы говорите! Куда же попадают плохие американцы? – спросила герцогиня.

– В Америку, – негромко произнес лорд Генри.

Сэр Томас насутился.

– Боюсь, ваш племянник настроен к этой великой стране предвзято, – сообщил он леди Агате. – Я изъездил всю Америку в специальных вагонах, предоставленных принимающей стороной. В таких вопросах американцы крайне предупредительны. Уверю вас, поездка имела высокую образовательную ценность.

– Неужели нам действительно нужно ехать в Чикаго, чтобы стать образованными? – жалобно спросил мистер Эрскин. – Лично я совершить такую поездку не в силах.

Сэр Томас махнул рукой:

– Мир мистера Эрскина Тредли сосредоточен на полках его библиотеки. Мы, люди практичные, предпочитаем все увидеть своими глазами, а не узнавать из книг. Американцы – народ прелюбопытный. Они совершенно разумны. Думаю, это их отличительная черта. Да, мистер Эрскин, уверю вас, американская нация – без причуд.

– Какой ужас! – воскликнул лорд Генри. – С животной силой я бы еще справился, но с животным благоразумием – увольте! Есть в нем нечто несправедливое. Это удар ниже интеллекта!

– Я вас не понимаю! – заявил раскрасневшийся сэр Томас.

– Зато я понял, лорд Генри, – негромко проговорил мистер Эрскин с улыбкой.

– В каком-то смысле парадоксы весьма хороши... – начал было баронет.

– И где здесь парадокс? – спросил мистер Эрскин. – Не вижу. Хотя, может, и так. Впрочем, путь парадоксов – путь истины. Чтобы постигнуть действительность, мы должны увидеть ее пляшущей на туго натянутом канате. Мы способны оценить истины, лишь когда они становятся акробатами.

– Господи, до чего же мужчины любят спорить! – воскликнула леди Агата. – Я уверена, что никогда не смогу понять, о чем вы тут толкуете. Ах, Гарри, я ужасно на тебя сердита! Зачем ты пытаешься убедить нашего славного мистера Дориана Грея забросить Ист-Энд? Уверю тебя, вклад этого юноши поистине неоценим. Всем так нравится его игра!

– Я хочу, чтобы он играл для меня! – с улыбкой объявил лорд Генри, посмотрел в дальний конец стола и поймал на себе благодарный взгляд.

– Но ведь обитатели Уайтчепела так несчастны! – продолжила леди Агата.

– Я способен посочувствовать всему, кроме страдания, – пожал плечами лорд Генри. – Оно слишком уродливо, противно и утомительно. В современном сочувствии к боли есть нечто нездоровое. Сочувствовать надо красоте, ярким краскам, радостям жизни. Чем меньше говоришь о ее язвах, тем лучше.

– И все же Ист-Энд – проблема очень важная, – заметил сэр Томас, солидно кивая.

– Несомненно, – согласился юный лорд. – Главная их проблема – рабство, мы же пытаемся решить ее, развлекая рабов.

Политикан восторженно:

– А что вы предлагаете изменить?

Лорд Генри рассмеялся.

– В Англии я не желаю менять ничего, кроме погоды, – ответил он. – Мне вполне хватает философских умозаключений. Поскольку девятнадцатый век обанкротился из-за расходов на сочувствие, я склонен предложить, что мы должны обратиться к науке, дабы она направила нас на путь истинный. Преимущество эмоций заключается в том, что они вводят нас в заблуждение, а преимущество науки в том, что она лишена эмоций.

– Однако же на нас лежит ответственность! – робко осмелилась заявить миссис Ванделер.

– Огромная ответственность, – кивнула леди Агата.

Лорд Генри посмотрел на мистера Эрскина.

– Человечество относится к себе чересчур серьезно. В этом его первородный грех. Умей пещерный человек смеяться, наша история пошла бы по иному пути.

– Вы очень меня утешили, – проворковала герцогиня. – Ведь я всегда чувствую себя довольно неловко, посещая вашу дорогую тетюшку, потому как Ист-Энд не интересен мне вовсе! Впредь я смогу смотреть ей в глаза не краснея.

– Румянец делает лицо привлекательным, герцогиня, – заметил лорд Генри.

– Лишь в юности, – ответила она. – Когда старуха вроде меня краснеет, это очень плохой знак. Ах, лорд Генри, если бы вы только открыли мне тайну, как вновь стать молодой!

Он задумался.

– Можете ли вы вспомнить какую-нибудь большую ошибку, которую совершили в молодости, герцогиня?

– Боюсь, их было немало! – вскричала она.

– Тогда совершите их все снова, – серьезно заявил лорд Генри. – Вернуть юность можно, повторив все свои безумные выходки.

– Восхитительная теория! – воскликнула герцогиня. – Надо применить ее на практике.

– Опасная теория! – процедил сэр Томас.

Леди Агата покачала головой, но невольно развеселилась. Мистер Эрскин промолчал.

– Да, – продолжил лорд Генри, – это одна из величайших тайн жизни. В наши дни большинство людей умирают от постепенно овладевающего ими здравого смысла и слишком поздно обнаруживают, что единственное, о чем не сожалеешь, – это о совершенных тобой ошибках.

За столом раздался смех.

Лорд Генри поиграл с идеей и раззадорился, стал ею жонглировать и изменять до неузнаваемости, упуская ее и снова ловил, расцветчивал всеми цветами радуги и окрылял парадоксами. Восхваление безрассудства возвысилось до философии, философия обрела юность и закружилась под музыку наслаждения, облеклась в залитые вином одежды и венок из плюща, заплясала как вакханка по холмам жизни и принялась насмешничать над трезвостью неповоротливого Силена. Истины летели перед ней словно напуганные лесные зверушки. Ее белые ноги ступали по огромному камню давлению, на котором восседает мудрый Омар, пока бурлящий виноградный сок не поднялся по ним лиловыми пузырями, не наполнился красной пеной и не перелился через черные покатые стенки чана. Это был шедевральный экспромт. Лорд Генри чувствовал, что Дориан Грей не сводит с него глаз, и сознание того, что среди присутствующих есть человек, чью душу он хочет пленить, оттачивало остроумие и придавало красок фантазии. Он был великолепен, невообразим, безрассуден. Он очаровал своих слушателей до последнего предела, и они со смехом следовали за его флейтой. Дориан Грей сидел как зачарованный, неотрывно глядя на лорда Генри; на его лице мелькала улыбка за улыбкой, в потемневших глазах изумление сменялось задумчивостью.

Наконец в столовую вторглась реальность в costume века – облаченного в ливрею слуги, пришедшего сообщить герцогине, что ее ждет карета. Женщина заломила руки в притворном отчаянии.

– Вот досада! – вскричала она. – Пора ехать. Мне нужно забрать мужа из клуба и отвезти на какое-то нелепое собрание в Уиллис-холл, где он будет председательствовать. Если я опоздаю, он придет в ярость, а я не смогу закатить ему сцену в этой шляпке. Слишком уж она хрупкая. От грубого слова завянет. Увы, дорогая Агата, мне нужно ехать. Прощайте, лорд Генри, ваши речи совершенно упоительны и ужасно разлагающи! Даже не знаю, что сказать о ваших взглядах. Обязательно заходите как-нибудь ко мне на ужин. К примеру, во вторник. Вы не заняты во вторник?

– Ради вас я готов бросить кого угодно, герцогиня, – ответил лорд Генри с поклоном.

– Ах, с вашей стороны это очень мило и очень дурно, так что непременно приходите! – вскричала она и выскользнула из комнаты, сопровождаемая леди Агатой и ее гостями. Лорд Генри снова сел, мистер Эрскин обошел стол, опустил на соседний стул и похлопал его по плечу.

– Вы говорите почище, чем в книгах, – заметил он, – почему бы вам свою не написать?

– Я слишком люблю читать книги, чтобы их писать, мистер Эрскин. Разумеется, мне бы хотелось написать роман, роман прелестный, как персидский ковер, и столь же необыкновенный. Но английская публика не читает ничего, кроме газет, молитвенников и энциклопедий. Из всех наций мира английская наименее способна воспринимать красоту литературы.

– Боюсь, вы правы, – откликнулся мистер Эрскин. – Когда-то у меня самого были литературные амбиции, однако я давно от них отказался. Теперь же, мой юный друг, если вы позволите называть вас так, могу ли я спросить: вы действительно имели в виду то, о чем говорили за обедом?

– Я совершенно все позабыл, – улыбнулся лорд Генри. – Неужели было настолько ужасно?

– Еще как ужасно. Собственно, я считаю вас чрезвычайно опасным, и если что-нибудь случится с нашей дорогой герцогиней, все мы сочтем вас виновным целиком и полностью. Поговорить же с вами я хотел о жизни. Поколение, к которому я принадлежу, прескучно. Когда-нибудь, устав от Лондона, приезжайте ко мне в Тредли и изложите свою философию наслаждения за бутылочкой превосходного бургундского, которое у меня, по счастью, имеется.

– Буду очень рад. Приглашение в Тредли для меня большая честь, ведь у этого поместья прекрасный хозяин и прекрасная библиотека!

– Вы станете ее украшением, – ответил пожилой джентльмен с учтивым поклоном. – Теперь же мне пора попрощаться с вашей блистательной тетушкой. Я должен быть в Атенеуме⁴. В этот час мы по обыкновению отправляемся туда вздремнуть.

– Все члены клуба сразу, мистер Эрскин?

– Все сорок, в сорока креслах. Мы готовимся стать Английской литературной академией. Лорд Генри рассмеялся и встал.

– Пойду-ка я в Парк⁵, – объявил он.

Дориан Грей остановил его в дверном проеме.

– Возьмите меня с собой!

– Вы же хотели навестить Бэзила Холлуорда.

– Лучше я пойду с вами! Да, мне кажется, я должен пойти с вами! Прошу, позвольте! И вы обещаете все время со мной разговаривать? Никто не говорит так чудесно, как вы!

– Ах, сегодня я говорил предостаточно, – с улыбкой заметил лорд Генри. – Теперь меня тянет лишь созерцать жизнь. Можете пойти со мной и тоже созерцать, если угодно.

⁴ Атенеум – лондонский клуб, основанный по инициативе В. Скотта для интеллектуальной элиты.

⁵ Гайд-парк.

Глава 4

Однажды днем, месяц спустя, Дориан Грей расположился в роскошном кресле, сидя в небольшой библиотеке в доме лорда Генри в Мэйфере. На свой манер комната была совершенно изумительная: высокие панели мореного дуба, кремовый фриз, на потолке лепнина, на полу войлочный ковер цвета битого кирпича, устеленный шелковыми персидскими ковриками с длинной бахромой. На крошечном столике атласного дерева стояла статуэтка работы Клодиона, рядом лежал экземпляр «Ста новелл», переплетенный Кловисом Эвом⁶ для Маргариты Валуа⁷, усыпанный золотыми маргаритками, которые королева избрала своей эмблемой. Каминную полку украшали голубые фарфоровые вазы с махровыми тюльпанами, сквозь витражные окна лился абрикосовый свет летнего лондонского дня.

Лорда Генри пока не было. Он как всегда опаздывал из принципа, полагая, что пунктуальность только крадет время. Поэтому юноша пребывал в довольно мрачном настроении, безучастно перелистывая страницы искусно иллюстрированного издания «Манон Леско», которое обнаружил в одном из книжных шкафов. Монотонное тиканье часов в стиле Людовика Четырнадцатого его раздражало, и он раз или два порывался уйти.

Раздались шаги, дверь распахнулась.

– Гарри, до чего же ты задержался! – проворчал юноша.

– К сожалению, это не Гарри, мистер Грей, – откликнулся пронзительный голос.

Юноша оглянулся и встал.

– Прошу прощения. Я подумал...

– Вы подумали, что пришел мой муж. Я всего лишь его жена. Давайте знакомиться. Я отлично знаю вас по фотографиям. У моего мужа их не меньше семнадцати.

– Не может быть, леди Генри!

– Или даже восемнадцать. И я видела вас с ним в опере вчера вечером. – Она нервно посмеивалась, не сводя с него взгляда незабудковых глаз.

Странности леди Генри не ограничивались ее нарядами, которые неизменно выглядели так, будто их кроили в приступе ярости, а надевали в бурю. Хотя она постоянно в кого-нибудь влюблялась, страсть ее всегда оставалась безответной, поэтому ей удалось сохранить все свои иллюзии, а потуги казаться оригинальной скорее производили впечатление общей неряшливости. Звали ее Виктория, и она до помешательства обожала посещать церковь.

– Тогда давали «Лоэнгрину», не так ли, леди Генри?

– Да, моего любимого «Лоэнгрину». Вагнера я предпочитаю всем остальным композиторам. Его музыка такая громкая, что можно разговаривать всю оперу напролет, и никто посторонний не услышит. Это существенное преимущество, правда, мистер Грей?

С ее тонких губ слетел отрывистый нервный смешок, пальцы принялись вертеть длинный черпаховый нож для разрезания бумаги.

Дориан улыбнулся и покачал головой.

– К сожалению, я так не думаю, леди Генри. Я никогда не разговариваю, слушая музыку – по крайней мере, хорошую музыку. Другое дело музыка плохая: она действительно обязывает заглушить себя беседой.

– Ах, это одна из мыслей Гарри, да? Я постоянно слышу мысли Гарри из уст его друзей. Для меня это единственный способ узнать, о чем он думает. Только не считите, что я не люблю хорошую музыку. Я ее обожаю – и в то же время побаиваюсь. В пианистах я просто души не чаю, иной раз увлекаюсь сразу двумя, как говорит Гарри. Сама не пойму, что меня в них при-

⁶ Кловис Эв – парижский книготорговец и переплетчик.

⁷ Маргарита Валуа – королева Наваррская, писательница.

влекает. Вероятно, дело в том, что они иностранцы. Разве нет? Даже если они родом из Англии, то через некоторое время все равно становятся иностранцами, не так ли? Вы ведь ни разу не бывали на моих приемах, мистер Грей? Обязательно приходите! Орхидей позволить себе не могу, зато на иностранцах не экономлю. Они придают светским раутам такую колоритность!.. А вот и Гарри! Гарри, я искала тебя, хотела что-то спросить – уже не припомню, что именно – и обнаружила здесь мистера Грея. Мы прелестно поболтали о музыке. У нас совершенно схожие взгляды. Впрочем, нет, кажется, они совершенно противоположные. Но он такой приятный собеседник! Я очень рада, что мы познакомились.

– И я рад, моя дорогая, – заметил лорд Генри, поднимая свои темные, изогнутые брови и глядя на них обоих с усмешкой. – Прости, что задержался, Дориан. Пошел взглянуть на кусок старинной парчи на Уорддор-стрит и несколько часов проторговался. В наши дни люди знают цену всему и при этом не представляют истинной ценности вещей.

– К сожалению, мне пора! – воскликнула леди Генри, нарушив неловкое молчание внезапным смехом. – Я обещала герцогине поехать с ней кататься. Прощайте, мистер Грей. Прощай, Гарри. Полагаю, ужинаешь ты не дома? Я тоже. Вероятно, мы встретимся у леди Торнбери.

– Пожалуй, да, моя дорогая, – ответил лорд Генри, прикрывая за женой дверь.

Леди Генри вылетела из комнаты с видом райской птички, мокшей всю ночь под дождем, и оставила после себя легкий аромат тропического жасмина. Хозяин зажег папиросу и развалился на диване.

– Никогда не женись на женщине с волосами соломенного цвета, Дориан, – заметил он после нескольких затяжек.

– Почему, Гарри?

– Они слишком сентиментальны.

– Я люблю сентиментальных людей.

– Лучше не женись вовсе, Дориан. Мужчины женятся от усталости, женщины – от любопытства. И тех, и других ждет разочарование.

– Вряд ли я вообще женюсь, Гарри. Я слишком сильно влюблен! Вот тебе один из твоих афоризмов. Я применяю его на практике, как и все остальное, что ты говоришь.

– В кого же ты влюблен? – помедлив, спросил лорд Генри.

– В актрису, – ответил Дориан, краснея.

Лорд Генри пожал плечами.

– Начало довольно банальное.

– Ты не говорил бы так, если бы увидел ее, Гарри!

– Как зовут?

– Сибила Вэйн.

– Ни разу не слышал.

– О ней пока никто не слышал. Впрочем, когда-нибудь она станет знаменита. Она гениальна!

– Мой дорогой мальчик, женщины не бывают гениальными. Женский пол выполняет сугубо декоративную функцию. Им нечего сказать миру, хотя говорят они много, причем поистине очаровательно. Женщины представляют собой торжество материи над разумом, мужчины – торжество разума над моралью.

– Гарри, как ты можешь такое заявлять?!

– Дорогой мой Дориан, это чистая правда. На данный момент я изучаю женщин, как же мне не знать! Предмет исследования оказался не настолько мудреным, как я полагал. По большому счету, есть лишь два типа женщин: без прикрас и во всей красе. Женщины без прикрас довольно полезны. Если хочешь приобрести репутацию человека почтенного, всего-то и нужно пригласить ее куда-нибудь поужинать. Другие женщины весьма обворожительны. Зато

им свойственна одна ошибка: они красятся, чтобы казаться моложе. Наши бабушки красились, чтобы с блеском вести беседу. Раньше румяна шли в комплекте с остроумием. Теперь совсем не так. Если женщине удастся выглядеть на десять лет моложе своей дочери, то большего ей и не нужно. Что же касается бесед, то в Лондоне живет всего пять женщин, с которыми есть о чем поговорить, и двум из них доступ в приличное общество закрыт... Расскажи-ка мне лучше о своей гениальной актрисе! Давно ты с ней знаком?

– Ах, Гарри, твои взгляды меня ужасают!

– Не бери в голову. Давно ты с ней знаком?

– Недели три.

– Где ты ее встретил?

– Я расскажу, Гарри, только не будь излишне строг. В конце концов, если бы я не встретил тебя, ничего подобного со мной и не случилось бы. Ты породил во мне неистовое желание узнать о жизни все. После нашего знакомства в моих жилах словно что-то забурлило. Гуляю ли я по Парку или фланирую по Пикадилли, я смотрю на прохожих широко раскрытыми глазами и с жадным любопытством гадаю, какую жизнь они ведут. Некоторые меня завораживают. Другие ужасают. В воздухе разлит изысканный яд. Я страстно жажду новых ощущений... Так вот, однажды часов в семь вечера я отправился бродить по городу в поисках приключений. Я чувствовал, что наш чудовищный серый Лондон с его мириадами людей, убогими грешниками и блистательными пороками, как ты однажды выразился, что-то мне готовит. Я представлял тысячи возможных вариантов и с восторгом предвкушал поджидающие меня опасности. В тот дивный вечер, когда мы ужинали вместе, ты сказал, что истинная тайна жизни заключается в поиске красоты. Не знаю, чего я ожидал, но я вышел из дома и направился на восток, где вскоре и заблудился в лабиринте грязных улочек и черных голых площадей. Около половины девятого я прошел мимо нелепого театрала с огромными, ярко горящими газовыми рожками и безобразными афишами. У входа стоял преуродливый еврей в уморительнейшей жилетке, какой я в жизни не видывал, и курил вонючую сигару. У него были сальные кудри и огромный бриллиант по центру измызанной манишки. «Желаете ложу, милорд?» – воскликнул он при виде меня и подобострастно снял шляпу. Было в нем нечто изрядно меня позабавившее, Гарри. Эдакое чудовище. Знаю, ты будешь надо мной смеяться, но я вошел и заплатил целую гинею за ложу у самой сцены. До сих пор не пойму, почему я так поступил. Если бы я не вошел – дорогой мой Гарри, подумать только! – я пропустил бы любовь всей моей жизни! Вижу, ты смеешься. Как ты можешь?!

– Я не смеюсь, Дориан, по крайней мере, не над тобой. Однако ты не должен называть свое приключение любовью всей жизни. Назови ее своим первым романом. Любить тебя будут всегда, и ты всегда будешь влюблен в любовь. *Grande passion*⁸ – привилегия тех, кому нечем заняться. В нем единственное применение людей праздных. Не бойся. Тебя ждут удивительнейшие открытия. Это всего лишь начало!

– Значит, ты считаешь меня настолько поверхностным? – сердито спросил Дориан.

– Напротив, я считаю тебя очень глубоким.

– В каком смысле?

– Дорогой мой мальчик, люди, которые любят лишь раз в жизни, на самом деле довольно поверхностны. То, что они называют преданностью и верностью, я называю инертностью или отсутствием воображения. В эмоциональной жизни верность суть то же, что и неизменность в жизни интеллектуальной – попросту доказательство собственного бессилия. Верность! Когда-нибудь я ее изучу. В ней есть страсть к обладанию. Сколь многое могли бы мы отбросить, если бы не боялись, что за нами подберут другие!.. Извини, что перебил. Продолжай свою историю.

⁸ Великая страсть (фр.).

– Я очутился в отвратительно тесной ложе прямо перед безвкусным занавесом. Я выглянул из-за него и осмотрел театр. Помпезная пошлость – сплошь купидоны и рога изобилия, будто на третьеразрядном свадебном торте. Галерка и задние ряды были почти заполнены, темный партер совершенно пуст, в так называемом бельэтаже вообще ни души. Повсюду расхаживали торговки с апельсинами и имбирным пивом, орехи же потреблялись публикой в страшных количествах.

– Совсем как в пору расцвета английской драмы.

– Похоже на то, зрелище весьма удручающее. Я принялся размышлять, что мне делать, и тут заметил афишу. Гарри, угадай, что за пьесу они давали!

– Думаю, «Мальчик-идиот» или «Немой простак». Полагаю, подобные пьесы любили наши отцы. Чем дольше я живу, Дориан, тем больше убеждаюсь: то, что устраивало наших отцов, для нас никак не годится. В искусстве, как и в политике, *les grandperes ont toujours tort*⁹.

– Для нас эта пьеса вполне годится, Гарри. Это «Ромео и Джульетта»! Должен признаться, я не ждал ничего хорошего от постановки Шекспира в подобной дыре. И все же я заинтересовался. Во всяком случае, решил дожидаться первого акта. Оркестр был отвратителен, его возглавлял молодой еврей за разбитым пианино, и я едва не сбежал, как наконец подняли занавес, и пьеса началась. Ромео играл упитанный пожилой актер с накрашенными женой пробкой бровями и фигурой как у пивного бочонка. Меркуцио был ненамного лучше. Его изображал комик-фигляр, несший отсебятину и державшийся на дружеской ноге с публикой задних рядов. Оба смотрелись так же гротескно, как и декорации, словно позаимствованные из сельского балагана. Но Джульетта! Гарри, представь девушку лет семнадцати с милым личиком, маленькой греческой головкой и темно-каштановыми косами, бездонными и страстными фиалковыми глазами и губами алыми, словно лепестки розы! Прелестнейшее создание! Как-то раз ты говорил, что пафос тебя не трогает и лишь красота способна исторгнуть из тебя слезы. Гарри, я едва смог рассмотреть эту девушку сквозь пелену наворачнувшихся на глаза слез! А ее голос – никогда прежде я не слышал подобного голоса! Сперва он был очень низким, и сочные нотки словно падали прямо мне в уши. Потом стал чуть громче и зазвучал будто флейта или далекий гобой. В сцене в саду он обрел тот трепетный экстаз, который звучит перед рассветом в трелях соловьев. В иные моменты в нем слышалась неистовая страсть скрипок. Ты знаешь, как голос способен взволновать человека. Твой голос и голос Сибилы Вэйн я не забуду никогда! Закрывая глаза, я слышу их, и каждый говорит что-то свое. Не знаю, за каким из них последовать... Как можно ее не любить? Гарри, я ее люблю! Она для меня все! Вечер за вечером я хожу на ее спектакли. Сегодня она Розалинда, завтра – Имогена¹⁰. Я видел, как она умирала во мраке итальянской гробницы, выпив яд с губ возлюбленного¹¹. Я смотрел, как она бродит по арденскому лесу, переодевшись прелестным юношей, в штанах в обтяжку, в камзоле и изящном берете¹². Она теряла рассудок и приходила к королю-убийце, вручала ему руту и горькие травы¹³. Она была невиновна, но черные руки ревности сжимали ее тонкое, как тростник, горло¹⁴. Я видел ее во всех эпохах и во всяких костюмах. Обыкновенные женщины никогда не вызывают к нашему воображению. Они ограничены рамками своей эпохи. Преображения им не достичь никакими средствами. Их души знакомы нам не хуже, чем их шляпки. Ни в одной из них нет тайны. Найти их легко. Утром они катаются по Парку, вечером болтают за чаем. У них застывшие улыбки и великосветские манеры. Они абсолютно тривиальны. Другое

⁹ Деды всегда не правы (фр.).

¹⁰ Героини произведений У. Шекспира «Как вам это понравится» (Розалинда) и «Цимбелин» (Имогена).

¹¹ Видел ее в роли Джульетты в трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта».

¹² То есть в роли Розалинды.

¹³ То есть в роли Офелии в трагедии У. Шекспира «Гамлет».

¹⁴ То есть в роли Дездемоны в трагедии У. Шекспира «Отелло».

дело актриса! Насколько она отличается от всех женщин! Гарри! Почему же ты мне не сказал, что любить стоит лишь актрису?

– Потому что сам любил слишком многих, Дориан.

– Ах да, малоприятные личности с крашеными волосами и размалеванными лицами!

– Не стоит отзываться пренебрежительно о крашеных волосах и размалеванных лицах.

Порой в них есть удивительная прелесть, – заметил лорд Генри.

– Теперь я жалею, что рассказал тебе о Сибиле Вэйн!

– Разве ты смог бы что-нибудь утаить от меня, Дориан? На протяжении всей жизни ты будешь рассказывать мне обо всем, что с тобой происходит.

– Да, Гарри, наверное, так и есть. Ничего не могу с собой поделать. Ты имеешь на меня прелюбопытное влияние. Если бы я совершил преступление, то пришел бы к тебе и признался. Ты бы меня понял.

– Люди вроде тебя – своенравные солнечные лучи, озаряющие нашу жизнь, – не совершают преступлений, Дориан. И все же благодарю за комплимент! Теперь расскажи мне... Передай спички, будь так добр. Спасибо! Каковы в действительности твои отношения с Сибиллой Вэйн?

Дориан Грей вскочил, щеки его вспыхнули, глаза засверкали.

– Гарри! Сибилла Вэйн для меня – святыня!

– Только святынь и следует касаться, Дориан, – заметил лорд Генри с не свойственным ему пафосом. – Отчего ты так негодуешь? Думаю, когда-нибудь она станет твоей. В любви человек сначала обманывает самого себя, а под конец – всех остальных. Именно это и называется романом. Ты с ней хотя бы знаком, надеюсь?

– Конечно, знаком! В первый вечер после спектакля ко мне в ложу заглянул тот противный старый еврей и предложил пройти за кулисы, чтобы с ней познакомиться. Я разгневался и сообщил ему, что Джульетта мертва сотни лет и прах ее лежит в мраморной гробнице в Вероне. Судя по его изумленному взгляду, он решил, что я выпил слишком много шампанского...

– Не исключено.

– Потом он спросил, не пишу ли я для газет. Я ответил, что даже не читаю их. Он ужасно расстроился и поведал, что театральные критики против него сговорились и куплены все до единого.

– Не удивлюсь, если он прав. С другой стороны, судя по внешнему облику, большинство из них стоят не слишком-то дорого.

– Старик считает, что они ему не по средствам, – рассмеялся Дориан. – Впрочем, к этому времени огни в театре уже гасили, и мне пришлось уйти. Он настойчиво рекомендовал попробовать его сигары. Я отказался. Разумеется, на следующий вечер я пришел снова. Он низко поклонился и назвал меня щедрым покровителем искусства. Личность он, конечно, одиозная, хотя при этом страстный любитель Шекспира. Однажды он горделиво заявил, что все пять раз прогорал исключительно из-за Барда, как он его называет. Кажется, он считает это выдающимся достижением.

– Это и есть достижение, дорогой мой Дориан, величайшее достижение! Многие прогорают из-за того, что слишком вложились в прозу жизни. Обанкротиться из-за поэзии – честь... Когда же ты впервые заговорил с мисс Сибиллой Вэйн?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.